

«Декоративный идеализм Бориса Анисфельда»

Так называется выставка, недавно открывшаяся в галерее «Винсент Астор» при библиотеке-музее сценического искусства в нью-йоркском Линкольнском центре искусств.

Борису Измайловичу Анисфельду 89 лет (родился в городке Бельцы в Бессарабии в 1879 г.).

Художник лично присутствовал на вернисаже. Многочисленные посетители поздравляли его не только с открытием выставки, но и с семейной радостью: на днях он стал прадедом.

Анисфельд — едва ли не последний из ныне здравствующих крупных русских художников, которые принадлежат к Серебряному веку русского искусства. Он был близок к «Миру искусства». Репродукции с его произведений можно было встретить в журналах: «Золотое руно», «Аполлон», «Столица и усадьба».

Анисфельд учился сначала в Одесской рисовальной школе, потом в Петербургской академии художеств. Видевшие его раннюю работу «Адам и Ева», находят, что у молодого Анисфельда были все данные стать корифеем русского нео-академизма. Но нео-академизм не удовлетворял художника, искавшего новых путей в искусстве. Он вырабатывает самостоятельный подход к цвету, находя, что спектральный анализ, с его новейшими достижениями, может стать не только достоянием точных наук, но и сокровищницей обновленной живописи.

В Третьяковской галерее находится картина Анисфельда «Букет». В свое время о ней много писала художественная критика, как о «цветовом откровении в живописи» и принципиально новом явлении в искусстве. Ведь это правда, что цветоисследования Анисфельда получили признание еще до того, как обновленный и преобразованный цвет в работах Марка Шагала покорила весь мир.

В цветоисследованиях обоих художников есть некая общность, но есть и существенные различия. Шагал, если перефразировать Пастернака, изображает природу для того, чтоб накинуть на нее страсть и любовь. Борис Анисфельд изображает природу, для того, чтоб увидеть в разливах

красок и цветовой атмосфере фантастические видения, что то сказочное, легендарное, а временами и апокалипсическое.

Ценность живописных исканий Анисфельда раньше других оценил Игорь Грабарь, художник, искусствовед и ведущий критик того времени. Он то и обратил внимание Сергея Дягилева на Анисфельда.

Молодой художник участвовал в устроенных Дягилевым русской и парижской выставках. Его работы были отобраны для показа в Осеннем салоне в Париже. В 1907 году В. Ф. Комиссаржевская привлекает Анисфельда к художественно-декоративному оформлению своего театра. Для нее Анисфельд создает декорации к пьесе Гуго фон Гофмансталя «Свадьба Зобенды». В 1911 г. Анисфельд работает над художественно-декоративным оформлением «Океана» Леонида Андреева. В том же году Дягилев приглашает Анисфельда в Париж для работы над балетом «Садко», поставленном Михаилом Фокиным на музыку Римского-Корсакова.

В 1912 году, по предложению того же Фокина, Мариинский театр в Петербурге поручает Анисфельду художественно-декоративное оформление балета «Исламей» (муз. Балакирева). В 1913 г. Анисфельд вместе с Фокиным работает над балетом «Клеопатра» для стокгольмского Королевского театра. Позднее балет Анны Павловой доверяет Анисфельду оформление берлинской постановки балета «Семеро дочерей короля Вершин» (музыка Спендиарова).

С 1919 по 1924 годы Борис Анисфельд работает в самом тесном контакте с Метрополитэн оперой в Нью-Йорке. Ему принадлежит художественно-декоративное оформление опер: «La Reine Fiannette» (музыка Ксавье Леруса), «Синяя птица», по Метерлинку (муз. Альберта Волфа), «Снегурочка» (муз. Римского-Корсакова), «Мефистофель» Бойто, «Король Лагорский».

В 1921 году Анисфельд блестяще выполняет художественно-декоративное оформление оперы Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», для Чикагской оперной компании.

В 1926 году Анисфельд сотрудничает с Русским Балетом под управлением Михаила Мордкина. Для его постановок он оформляет два балета: «Азнада» и «Карнавал» (на музыку Листа, Мусоргского, Скрябина и других).

На выставке «Декоративный идеализм Анисфельда» в Линкольнском центре искусств показаны 74 его работы 1905—1926 годов, имеющие то или иное отношение к названным выше произведениям.

Дочь Анисфельда сказала, что это примерно двадцатая часть всего созданного художником, и не такая уж значительная часть того, что находится в США. (Борис Анисфельд продолжал творческую деятельность вплоть до совсем недавнего времени).

Анисфельд запечатлел Анну Павлову танцующей «Умиряющего лебедя» Сен-Санса. Работа эта прекрасна! Перед нами Анна Павлова, которая как бы замерла в очарованном цветовом сне.

На выставке много эскизов и набросков костюмов для оперных и балетных постановок. Художник очень считается с тем, как будет выглядеть тот или иной костюм в разные моменты танца. Вот почему проекты костюмов у Анисфельда кажутся фрагментами балетных постановок, написанных с натуры тушью, пастелью, акварельными красками.

Для декораций Бориса Анисфельда характерно преобразование западной и восточной орнаменталистики в предметный рисунок. Этот рисунок и отправляется Анисфельдом в живописное путешествие по фантастическим цветовым морям. Художник необыкновенно расширил наши представления о цвете, о его романтических и эстетических возможностях и тайнах. Волны и перепады красок в декорациях и костюмах у Анисфельда составляют цветовое соответствие музыке симфонического оркестра, сольным или групповым танцам, оперному пению и действию.

В своей декоративной живописи Анисфельд проявляет исключительную одаренность. Образно выражаясь, у него абсолютный слух, нашедший зрительное выражение.

Можно ли считать Анисфельда художником былых времен? Что из его цветовых исканий может найти применение в настоящем и сохраниться для будущего?

Практически на этот вопрос ответит деятельность лучших учеников Анисфельда, которые и сейчас, в наши дни, признаются умеренными модернистами, а никак не консерваторами или архаиками. К числу лучших учеников Анисфельда принадлежит, например, Ли Рой Ниман, индивидуальная выставка работ которого недавно с большим успехом прошла в галерее Нового искусства.